

Культура. 1994. 5 февр. - с. 5.

Валентина
ПАНИНА:

Я пою В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

Сильный, мягкий женский голос заполнял все пространство церкви Святой Троицы в Нинитниках, что неподалеку от Китай-города. Голос плакал, успокаивал и снова страдал. Люди, слушавшие «Стабат матер» Вивальди, замерли: был момент духовного откровения и, наверное, единения. Пела Валентина Панина. У нее контральто — голос супернизкий и потому редкий.

— Валентина Николаевна, я знаю, что вы много лет поете в храмах, что вы — человек верующий, и, наверное, церковная музыка для вас не просто вокальный жанр, а возможность прикосновения к божественному, не так ли?

— Да, конечно. Я искренне верю, что духовная музыка написана людьми, причастными к силам высшего порядка. И, безусловно, Павел Чесноков был близок к Богу и через свое духовное начало, и через музыку. И он живет в ней. Когда я пою в церкви, я испытываю ощущения, которые трудно выразить однозначно: одно из них — чувство общности и с поющими, и с теми, кто находится в церкви, и, может, вообще со всеми людьми.

— А каким вы сами следуете Христовым заповедям?

— Прежде всего вот этой: Господи, дай забыть то зло, которое мне причиняли люди. Это трудно, но мы должны прощать врагов своих и молить-

ся за них в первую очередь.

— Вы получили широкое музыкальное образование: школу окончили по классу виолончели, училище — как дирижер-хоровик, а институт — по вокалу. Перед вами стояла проблема выбора?

— Нет. Я всегда хотела быть певицей. Проблема была в другом — где себя применить. Один настоятель сказал мне как-то: «Валя, Бог вас не отпустит». Работа же на концертной эстраде трудно дается — ее мало, хотя сделано много программ.

— А оперный театр?

— Я очень хотела петь в опере, и несколько лет назад прослушивалась в московских театрах. Поначалу говорили, что берут, а назавтра отказывали. Пение в церкви тогда официально не преследовалось, но и не поощрялось. Те, кто пел, старались скрыть это — надевали парики или очки и так далее. Я не считала нужным скрывать свое лицо, мне это казалось унижением и грехом. К тому же я не старалась учиться у определенных влиятельных преподавателей, покровительство которых обеспечивало потом поступление в театр. Училась у того, кто мне нравился. И не жалею.

— Я слышала, будто у вас есть сборник романсов 1902 года издания. Уж не достался ли он вам по наследству от знаменитой на рубеже веков

певицы Вари Паниной, вашей родственницы?

— Мне его подарили. Родство у нас не прямое, отдаленное, но дело не в этом: не люблю, чтобы мной интересовались в связи с Варей Паниной. У меня есть программа из ее романсов, но я все делаю по-своему в искусстве.

— Но вы ведь поете старинные и цыганские романсы?

— Да, и с большим удовольствием. Многие у нас запеты настолько, что потеряли смысл. К примеру «Нет, не тебя так пылко я люблю» некоторые оперные дивы поют как бравурный вальсок. А ведь это воспоминание о любимой женщине, которой давно нет в живых. Я стараюсь идти от элементарного смысла.

— Как вы полагаете, должен ли человек довольствоваться сложившейся судьбой?

— Я верю в предначертания судьбы. Она заложена от Бога. Но мы должны стараться судьбу переделывать, если ее обстоятельства нас не устраивают. Помните поговорку: «На Бога надейся, а сам не плошай». Певец обязан до конца дней нести выпавший ему крест и делать все, чтобы иметь право называть себя певцом. Довольна ли я судьбой? Довольна, что пою, что приглашают, что есть голос, силы. И хотя труд музыканта в материальном смысле оценивается сейчас очень мало, надо все равно работать — платят деньги или не платят. Чтобы не было духовного обнищания, забвения наших русских классических традиций. Главное — делать добро. Не обидеть собаку, кошку, человека, который просит милостыню на улицах. Поделиться последним, помнить, что вокруг люди, может, более страждущие, чем ты.

— Влияют ли реалии нашего дня на то, как вы поете, ведь содержание арий или, скажем, цыганских романсов далеко от них?

— Конечно, влияют даже на звучание голоса. Сейчас чаще хочется петь концерт духовной музыки, который мы подготовили с профессором Кириллом Виноградовым, моим замечательным концертмейстером. Он поддерживал меня не только профессионально, но и помог выстоять и сохраниться как музыканту и человеку. Так вот, в этом концерте фрагменты из Евангелия, псалмы и молитвы сопровождаются православной музыкой и Бахом. Все это вызывает к человеческой душе.

Знаете, я теперь часто концерт, даже не духовный, заканчиваю молитвой. «Крати Божия, сохрани под кровом своим веру православную и представительство у Сына своего Христа, Бога нашего испроси нам мир, тишину и благочестие». Наверное, молитва очень современна: люди не просто внимательно слушают, а, я чувствую, буквально впитывают ее сердцем.

Беседу вела
Светлана САМСОНОВА.